

творяющей саму жизнь. Данные черты, при-
сущие роману на стадии формирования жан-
ра, переносятся в контекст постмодернистско-
го произведения. Модификации формы пове-
ствования – изменение хронологической по-
следовательности эпизодов, сочетание раз-
личных точек зрения на описываемые собы-
тия, совмещение фактографической точности
и художественного вымысла – позволяют ав-
тору, во-первых, создать горизонтальный раз-
рез эпохи, акцентируя внимание на сходствах
в развитии двух разных цивилизаций и повто-
рении по спирали исторических событий с те-
чением времени, а во-вторых, по-новому рас-
крыть идею, проходящую красной нитью че-
рез все творчество С. Рушди: «Возможно, про-
клятия рода человеческого заключается не в
том, что все мы разные, а именно в том, что
все мы очень похожи» [2, с. 148].

Литература

1. Джумайло О.А. За границами игры: англий-
ский постмодернистский роман. 1980–2000 // Вопр.
литературы. 2007. №5. С. 7–45.
2. Рушди С. Флорентийская чародейка / пер. с
англ. Е.К. Бросалина. СПб. : Амфора, 2010.
3. Поэтика: словарь актуальных терминов и по-
нятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М. : Изд-во
Кулагиной; Intrada, 2008.
4. Томашевский Н. Испанский плутовской ро-
ман // Плутовской роман. М. : Правда, 1989. С. 5–20.
5. Conrad J. Review. The Enchantress of Florence
by Salman Rushdie // *Marvels & Tales*. 2009. Vol. 23.
No. 2. P. 433–436.
6. Neuman J. The Fictive Origins Of Secular
Humanism // *Criticism*. Vol. 50. No. 4. P. 675–682.
7. Stufflebeam S. Interview with Salman
Rushdie. URL : [http://contemporarylit.about.com/od/
authorinterviews/a/rushdieInterview_3.htm](http://contemporarylit.about.com/od/authorinterviews/a/rushdieInterview_3.htm).

“The Enchantress of Florence” by S. Rushdie and the tradition of a picaresque novel

*There is analyzed the work by Salman Rushdie “The
Enchantress of Florence” from the point of view of its
connection with the tradition of a picaresque novel.
Main attention is paid to the interpretation of the
image of a trickster and the composition of the novel.
The canonical features of a picaresque are regarded
in comparison with the English modification of post-
modernism, which makes it possible to judge about the
originality of the latter one.*

Key words: *English post-modernism, picaresque no-
vel, historiographic metaprose, trickster.*

Е.В. НИКУЛЬШИНА
(Волгоград)

ФЕНОМЕН САМОЗВАНСТВА В РОМАНЕ Е.А. САЛИАСА ДЕ ТУРНЕМИРА «ПРИНЦЕССА ВОЛОДИМИРСКАЯ»

*Рассматривается один из популярных сюжетов
второй половины XIX в. – появление и арест зна-
менитой самозванки княжны Таракановой. Иссле-
дуется сущность феномена самозванчества, дока-
зывается, что в романе Е.А. Салиаса де Турнеми-
ра самозванство является реакцией на происходя-
щие события.*

Ключевые слова: *историческая беллетристика,
авантюрно-исторический роман, Е.А. Салиас де
Турнемир, феномен самозванства, княжна Таракан-
ова, принцесса Владимирская.*

К концу 1860-х гг. в исторической белле-
тристике снова чрезвычайно актуальным ста-
новится мотив самозванчества – отчасти по-
тому, что политическую историю и культуру
России нельзя понять, исключив из нее дан-
ную проблему. Вторым решающим фактором
было появление в печати сведений о жизни не-
коей авантюристки, выдававшей себя за дочь
императрицы Елизаветы Петровны от тайно-
го брака с графом А.Г. Разумовским. В 1863 г.
в Лейпциге вышла брошюра А. Голицына
«О мнимой княжне Таракановой», где цити-
ровались письма, написанные самозванкой во
время пребывания в Риме, и приводился текст
поддельного завещания императрицы. «Мни-
мой», потому что была и другая княжна Тара-
канова, действительно дочь Елизаветы и Разу-
мовского, которая родилась в 1745 г. По дан-
ным историков, о детстве и юности княжны
ничего неизвестно, но достоверен тот факт,
что «в возрасте сорока лет по именному пове-
лению Екатерины II ее привезли в московский
Ивановский монастырь и постригли в монахи-
ни» именем Досифея. По рассказам, царст-
вующая императрица встречалась с Досифеей, и
та «согласилась удалиться в монастырь, чтобы
не стать игрушкой в руках каких-нибудь заго-
ворщиков». В 1810 г. дочь Елизаветы Петров-
ны и внучка великого государя скончалась [7,
с. 264–265].

Авантюристка, выдававшая себя за княж-
ну Тараканову, появилась в Европе в 1772 г.
Друзья называли ее Алиной или Али-Эмете.

По словам очевидцев, она обладала «редкой, ослепительной красотой»: стройная и грациозная, с роскошными пепельными волосами. Чарующе загадочное впечатление производили ее глаза, «странным образом способные менять свой цвет от синего до иссиня-черного». Она представлялась дочерью знатного черкесского князя, после смерти которого стала воспитанницей родного дяди, жившего в Персии. Однако в дальнейшем, познакомившись с польским послом во Франции, графом Огинским, женщина изменила версию своего происхождения, называя себя принцессой Владимирской, и говорила о своих планах поехать в Россию, «чтобы заявить свое право на оставшиеся там фамильные владения» [7, с. 265–266]. В декабре 1773 г. впервые пронесся слух, что под этим именем скрывается прямая наследница русского престола – плод законного, хотя и тайного, брака Елизаветы Петровны и фаворита графа Разумовского, княжна Елизавета Алексеевна Тараканова.

Интерес к историческому сюжету «подогрела» и картина К.Д. Флавицкого «Княжна Тараканова в Петропавловской крепости во время наводнения», выставленная в Петербурге в Академии художеств в 1864 г. На полотне изображена прекрасная молодая женщина в некогда роскошном, но теперь обветшалом наряде. Пытаясь на тюремной койке спастись от невской воды, хлещущей через оконную решетку и от стаи крыс, подбирающихся к ее ногам, она сознает, что находится в преддверии неизбежной гибели. Живописное полотно Флавицкого получило широкую известность, и дело дошло до того, что в 1867 г. главноуправляющий II отделением собственной канцелярии Александра II В. Панин напечатал в «Чтениях в императорском обществе истории и древностей российских» доклад, содержащий публикацию реальных, но до сей поры скрываемых документальных материалов, чтобы прекратить перетолки и пересуды, возбудившие русское общество. В том же году был опубликован очерк П.И. Мельникова-Печерского «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская», в котором на основании многочисленных источников автор обстоятельно описал многие похождения авантюристки, сняв с них покров загадочности. Мельников проанализировал доступные в его время документы, отражавшие ход следствия по делу «принцессы Владимирской» и характер ее содержания в крепости.

Таким образом, ко времени написания романа «Принцесса Володимирская» Е.А. Сали-

ас де Турнемир располагал не только сведениями, содержащимися в вышеназванных печатных источниках, но и частично теми документами, которые ранее находились в секретных архивах. В итоге Салиас достаточно точно передает в романе отдельные черты биографии знаменитой авантюристки: появление в Берлине под именем Алины Франк, брак с господином Шелем, ее роль в разорении сына голландского купца ван Турса (в романе – Ван-Тройс), переезд в Лондон вместе с возлюбленным, бросившим ради нее законную супругу, знакомство с фальшивым бароном Шенком, жизнь под новым именем госпожи де Тремуйль (у Салиаса – Тремуаль), приобретение графства Оберштейн, знакомство с Радзивиллом и Доманским, венецианский период, неудавшееся путешествие в Константинополь, встречу с графом Орловым, арест и смерть в петербургской тюрьме.

Конфликт в романе раскрывается на самых разных уровнях. Он может быть рассмотрен в разных аспектах – фактическом, исторически-документальном, а также с позиций нравственного содержания и его эстетического воплощения. На сюжетном уровне одновременно и параллельно развивается несколько конфликтных линий: Россия и Польша, Екатерина II и Генеральная конфедерация, состоящая из польских магнатов, Екатерина II и самозванка, Людовика и Игнатий, Алина-Людовика и Шель и др. Основу конфликта составляет столкновение многочисленных героев, а главное – героини, с неодолимыми вневличными силами, безжалостным роком. Все сюжетные линии одновременно самостоятельны и соотнесены друг с другом. Внутренне содержание конфликта связано с нравственной сутью вершащихся событий, где сталкиваются частные воли героев – исторических лиц. При этом важны отношения между желаниями и стремлениями персонажей и реальной действительностью, вопрос о значении правды и лжи в жизни каждого человека, способность соотнести свою жизнь с определенными обстоятельствами – условиями исторической и национальной жизни. Однако известные писателю факты из жизни реальной авантюристки дополняются вымышленными событиями. При этом авантюрно-исторический роман Е.А. Салиаса де Турнемира обрывает чертами сентиментально-готического произведения: основа сюжета здесь – разгадывание тайны, тяготеющей над героиней, – тайны ее рождения.

Мать героини романа «Принцесса Володимирская» умерла при ее рождении, в чужой стране, среди незнакомых ей людей. Новорожденная девочка осталась с хозяйкой постоялого двора, которая за счастье обрести малышку отказалась от оставшихся красивых платьев и дорогих вещей, так и не узнав, кем была умершая чужеземка и кто был отцом ее ребенка. «Целая драма там, в далекой стране, при пышном дворе блестящего короля, здесь была маленьким происшествием, годным только для болтовни соседок, для беседы кое о чем в часы досуга» [6, с. 27–28]. В четырехлетнем возрасте Катерина, как тогда звали девочку, была украдена у старушки Тантины и стала приемной дочерью богача-иноземца, выдававшего себя за польского пана, Людовикой. «Про него ходили всякие слухи. Одни говорили, что он должен был бежать из отечества, эмигрировать, другие уверяли, что он не был эмигрантом. Он назывался графом Краковским, но многим аристократам Киля было известно, что этот вымышленный польский магнат хотя и граф, но носил в действительности у себя на родине другую фамилию, известную и прославленную в истории Польши» (Там же, с. 36–37). «Красавица девушка знала только одно, что часто говорил ей отец: что большое состояние будет принадлежать ей, что доходы, которых они не могли тратить при их скромной обстановке, ежедневно увеличивают это состояние, что скоро оно удвоится и Людовика может выйти замуж за кого пожелает, хотя бы за принца» (Там же, с. 37). Однако этим мечтам не суждено осуществиться.

Одним из самых значимых в художественном мире романа является мотив возмездия. Людовика является объектом мести старой графини Краковской своему брату: много лет назад ее мечты на брак с блистательным юношей также разбились, когда отец не захотел делить свое состояние и отказал дочери в приданом (жених отменил свадьбу). Теперь в аналогичной ситуации оказывается ненавистная ей племянница: накануне блистательного брака приемной дочери граф Краковский убит монахом-иезуитом, не успев оформить финансовые бумаги; юридически его состояние переходит к престарелой сестре, а от нее – иезуитскому ордену Иисуса. Поднявшая бунт против такой несправедливости Людовика оказывается в сумасшедшем доме. Только чудом ей удается выбраться из заточения, и девушка вынуждена начать жизнь артистки, скатываясь все ниже и ниже. «Она создавала хорошо, что она была когда-то, чем могла бы остаться

навек и чем стала. Война всему человечеству была объявлена, борьба началась, а до победы было еще далеко. Она хотела, дала себе слово, завоевать то, что у нее люди отняли, подняться выше тех ступеней, на которые бросило ее преступление Игнатия, а между тем пока она стояла еще ниже. Положение странствующей музыкантши, а потом жены Шеля в буржуазной обстановке было все-таки выше и чище теперешнего положения – авантюристки с двумя любовниками зараз» [6, с. 185]. Стоит ли удивляться тому, что героиня так легко поверила в свое высокое происхождение. «Мне кажется... – говорит она, – Я чувствую – вот здесь, в сердце, что я дочь монархини!..» (Там же, с. 258).

Создавая образ Алины, Салиас не ставил целью нарисовать злодейку от рождения. Как нельзя лучше главную героиню характеризует один из подобранных романистом эпиграфов: «Она чуть не с младенческих дней была игралищем судьбы, орудием мелких и крупных интриг и вместе с этим интриганкой. Ее сложная жизнь – смесь добра и зла, красоты и грязи, обаятельной любви и распутства, легкомыслия и ума, женской слабости и силы...» (Там же, с. 9). Зло, порожденное социальной несправедливостью, преступлением, удивительным образом сочетается в ней со злом внутренним, метафизическим: Алина обладает «не земной, а сатанинской красотой», ее «горящий взгляд, довольная улыбка имели в себе как будто что-то зловещее», «демонское», «сверхъестественный, демонский огонь был в глазах Алины», ей свойственны «непостижимое озлобление на свою судьбу», злорадство, озлобленное наслаждение, демонские забавы; «в ней происходила какая-то странная и тайная борьба», «она чувствовала какой-то внутренний злой голос»; «нечто дикое, бесчеловечное, коварное совершалось по воле, по прихоти Алины, ей самой необъяснимой» (Там же, с. 121, 166, 170, 129, 168, 156, 157). Она сравнивает себя с Евой и женой Лота, утверждая, что будет «третьей женщиной, которая погибнет, будет третьей жертвой своего любопытства, своей жажды изведать все», «выпить чашу жизни до дна, зная, что в последней капле заключается смерть» [6, с. 172]. Эта женщина не могла смириться с тихим мещанским бытом, «мечты о законном, честном и порядочном существовании» (Там же, с. 203) неизбежно побеждались тягой к авантюрам и приключениям.

Произведение Салиаса отмечено чертами плутовского романа, в частности в нем выявляются признаки карнавальской традиции.

Для художественного мира «Принцессы Володимирской» характерна своеобразная логика «обратности», логика непрерывных перемещений верха и низа (реализуется посредством контраста: дочь вельможи – странствующая актриса, случайное богатство – угрожающая не сегодня-завтра нищета, невеста графа Орлова – арестантка). Мир героини романа Салиаса де Турнемира – это страшный и чуждый героине мир. Все привычное, обычное, обыденное, обжитое, общепризнанное оказывается вдруг бессмысленным, сомнительным, чуждым и враждебным ей. Свое внезапно превращается в чужое, в обычном и нестрашном вдруг открывается страшное. Как отмечает М.М. Бахтин, «в отличие от средневекового и ренессансного гротеска, непосредственно связанного с народной культурой и носившего площадной и всенародный характер, романтический гротеск становится камерным: это как бы карнавал, переживаемый в одиночку с острым сознанием этой своей отъединенности» [2, с. 45]. Сказанное в полной мере касается романа Салиаса. Большую роль в произведении играет мотив марионетки, трагедии куклы. Алина «играла всеми и ею играли все! И, в конце концов, бессознательно для самой себя она доигралась до последней игры, в которой потеряла все...» [6, с. 9].

Автор пытается ответить на вопрос: была ли Алина только мошенницей? Или же ее сумели уверить в том, что она действительно является дочерью Елизаветы Петровны? По мнению Салиаса, последний вариант весьма вероятен. Похожей точки зрения придерживается и современный историк Л.А. Юзефович: «Убедить Алину в ее царственном происхождении было тем проще, что она не знала ни своих родителей, ни своего настоящего имени» [7, с. 261]. В этом писатель XIX в. и историк XX в. проявили единодушие. Салиас художественно доказывает, что появление принцессы Володимирской было подготовлено самим ходом истории. Екатерина II посадила на польский престол своего ставленника Станислава Понятовского, которого многие магнаты и шляхта отказались признать. Недовольные подняли мятеж, но были разбиты. В 1772 г., когда героиня романа Салиаса появилась в Берлине, произошел первый раздел Речи Посполитой. Главной виновницей постигшей Польшу трагедии считали русскую императрицу, а успехи Пугачёва свидетельствовали о том, что народ недоволен своей правительницей. Тогда-то в окружении Карла Радзивилла и созрела мысль использовать против Екатерины II старое, но

грозное оружие. Поиски подходящей кандидатуры остановились на Алине. Романист показывает, что пока самозванка была нужна полякам, ей прощали расточительность, легкомысленность, распущенность, даже убийство бывшего мужа Генриха Шеля, грозившего ей оглаской. Однако, как только политическая ситуация изменилась, никто из бывших, как оказалось, мнимых, друзей и пальцем не пошевелил, чтобы спасти «принцессу Володимирскую» от преследования доверенных лиц русской императрицы.

В произведении нет ни симпатии автора к самозванке, ни одобрения предпринятых против нее интриг царствующего дома, но временами в тексте весьма ощутимо сострадание к злосчастиям героини, особенно в финале: «В конце ноября на деревянных досках кровати, среди ночной тьмы и сырости, под храп часовых солдат, в страшных мучениях не только тела, но и души пленница сделалась матерью <...> нашлись опять слезы... Материнские слезы... Такие слезы, каковы эти были, многое выкупают если не перед людьми, то перед Богом... Праведным Судьей!!». Последние слова звучат как укор некоторым самодержцам: достаточно вспомнить, что в послании князю Голицыну государыня грозила «распутной лгунье» «самым строгим судом» [6, с. 379].

Нарочито неприглядно рисует Е.А. Салиас де Турнемир коварство и цинизм графа А.Г. Орлова, выполнявшего приказ Екатерины II. Писатель придерживается версии похищения, согласно которой «княжну» заманили в Ливорно под предлогом заключения брака с князем. В результате она была арестована и доставлена в Петербург, где скончалась в тюрьме вскоре после рождения ребенка графа Орлова.

Сущность феномена самозванчества многогранна. В большинстве случаев оно является лишь реакцией на происходящие события. В романе «Принцесса Володимирская» Е.А. Салиас де Турнемир показывает, что данный способ жизнестроения продиктован конкретными историческими условиями, когда присвоение высокого имени означало некое освобождение от тяжелой реальности. Жизнь для носителя чужого, но громкого имени обретала статусно более высокий смысл, а если учесть, что общественное сознание в разные исторические периоды часто подвергается воздействию мифологизаторов, то в рамках биографического мифа, который был создан и самой героиней, и ее окружением, личность самозванки вряд

ли заслуживает безапелляционного сурового осуждения.

Литература

1. Арканникова М.С. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
3. Ламкина Г.П. Самозванство в XVII веке: идеологическое и социально-политическое содержание : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.
4. Логинова А.С. Провинциальные «лжецаревичи» Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века : дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2004.
5. Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.

6. Салиас де Турнемир Е.А. Принцесса Володимирская // Собрание сочинений : в 5 т. М., 1991. Т. 2.

7. Юзефович Л.А. Самые знаменитые самозванцы. М., 1999.

Phenomenon of imposture in the novel by E.A. Salias de Turnemir “Princess the Volodimirskaya”

There is considered one of the popular plots of the second half of the XIX century – appearance and arrest of a famous impostor Princess Tarakanova. There is researched the essence of the phenomenon of imposture, proved that in the novel by E.A. Salias de Turnemir imposture is the reaction to the events that are happening.

Key words: historical fiction, adventurous and historical novel, E.A. Salias de Turnemir, phenomenon of imposture, Princess Tarakanova, Princess the Vladimirskaya.

